
Широта Забвения
РОМАН-ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Алена Плотникова
Широта забвения

https://litres.ru/74746132
SelfPub; 2026

Аннотация

Море не прощает долгов — оно их собирает.

В ночь, когда «Аннунциата» переломилась пополам, как сухая ветка под сапогом великана, вода была тёплой.

Я помню, как лёгкие горели, требуя воздуха, которого уже не было, и как сквозь толщу солёной воды пробивался свет — не лунный, не отражённый от поверхности, а свой собственный, идущий откуда-то из глубины, где по всем законам природы не могло быть ничего живого.

Я помню голос. Не звук — скорее, ощущение, рождавшееся прямо в сознании, минуя уши, минуя саму идею слуха.

«Ты хочешь жить?»

Я сказала «да» — не словами, которые не могли родиться в лёгких без воздуха, а всем существом, каждой клеткой тела, цепляющегося за существование с отчаянием, которое не знает цены сделки, пока не становится слишком поздно её оспаривать.

Волна вынесла меня на берег на рассвете — одну из всей команды «Аннунциаты». Рыбаки, нашедшие меня, посчитали это чудом.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Алена Плотникова
Широта забвения

Глава 1

Норвежское море, наши дни

Холод здесь честный. Он не притворяется ласковым, не маскируется под золото осеннего солнца — просто существует, кусает лицо, забирается под куртку, напоминает о себе с каждым вдохом. Я люблю этот холод именно за его честность.

— Капитан, атмосферники показывают шторм через восемнадцать часов, — голос Эрика Халворсена, моего первого помощника, прорезал гул двигателей «Сирены» — исследовательского судна, которому было больше лет, чем большинству членов экипажа вместе взятых. — Успеем дойти до станции, если прибавим ход.

— Прибавляйте, — ответила я коротко, не отрывая взгляда от карты на экране. Пальцы привычно скользили по голограмме маршрута — архипелаг Шпицберген, холодные серые воды, никаких южных течений, никакого солнца, которое золотит залив слишком ласково для осени.

За сорок семь лет капитанства — хотя документы утверждали, что мне тридцать четыре, и перепроверять это бы-

ло некому — я ни разу не повела корабль южнее сорокового градуса широты. Эрик, проработавший со мной почти десять лет, однажды спросил об этом напрямую. Я ответила что-то про личные предпочтения климата. Он не поверил, но спрашивать перестал — за эти годы он научился различать мои настоящие ответы от вежливых отговорок, хотя и не всегда понимал разницу.

Команда у меня небольшая, но каждый — проверенный временем. Кроме Эрика, на борту была Лейла Ахмади, наш главный инженер — невысокая женщина с руками, вечно испачканными машинным маслом, и способностью чинить любой механизм при помощи такой изощрённой ругани, что даже видавшие виды матросы иногда краснели. Томас Бьорн, навигатор, молчаливый исландец, который разговаривал больше с приборами, чем с людьми, но которому я доверяла курс корабля без малейших сомнений. И Анна Кристиансен, судовой врач — единственная, кто когда-либо задавал мне вопросы о моём здоровье слишком настойчиво для моего комфорта, потому что анализы крови капитана за десять лет не менялись ни на йоту.

— Капитан, — Эрик снова появился в дверях мостика, на этот раз с планшетом в руках, — пришёл запрос. Институт океанографии в Неаполе просит содействия. У них пропала исследовательская группа в Ионическом море, недалеко от Таранто. Нужен корабль с нашим оборудованием для глубоководного поиска.

Имя города ударило по чему-то внутри меня — тихо, но ощутимо, как эхо в пустом коридоре. Таранто. Я не произносила это слово вслух полтора века.

— Передайте, что мы заняты, — голос прозвучал ровнее, чем я ожидала от себя. — Пусть обратятся в итальянский флот.

— Уже обращались. — Эрик замялся, явно чувствуя, что ступает на тонкий лёд, но профессиональная настойчивость пересилила осторожность. — У них нет подходящего оборудования. Мы единственные в радиусе двух тысяч миль с батискафом такого класса. Люди пропали пять дней назад. Если мы не пойдём, искать будет уже некого.

Я молчала, глядя на серую воду за иллюминатором. Северное море не прощало слабости, но и не играло в прятки — оно убивало честно, открыто, давая шанс бороться. Южные воды были другими. Тёплые, ласковые, обманчивые — и именно поэтому забирали так много.

— Какая глубина поиска? — спросила я наконец, понимая, что вопрос уже не о том, идти или нет, а о том, как это пережить.

— От трёхсот до семисот метров, в зависимости от течений, — Эрик явно обрадовался, что я хотя бы рассматриваю вариант. — Пропавшее судно — «Коралина», научно-исследовательское, занималось картографией морского дна. Последний сигнал был зафиксирован в двенадцати милях от побережья Таранто.

Двенадцать миль. Я попыталась вспомнить, сколько миль было от того пирса, с которого мы отплыли в семьдесят четвёртом, до места, где корабль пошёл ко дну. Память, обычно услужливо подсовывающая каждую деталь того дня, здесь спотыкалась — то ли от прошедших лет, то ли от нежелания вспоминать точнее.

— Соберите команду через час, — сказала я, разворачиваясь к выходу с мостика. — Нужно решить, кто идёт.

В коридоре было тише, только гул двигателей отдавался в металле стен — звук, который я знала лучше собственного пульса, учитывая, что последний давно перестал быть индикатором моей смертности. Я прошла в свою каюту, маленькую, аскетичную комнату, лишённую любых личных вещей, кроме одной — потемневшей от времени серебряной монеты, итальянской лиры образца тысяча восемьсот семидесятого года. Единственное, что осталось у меня от той жизни, кроме самой жизни.

Монета лежала в деревянной шкатулке, которую я не открывала месяцами. Сейчас, держа её в руках, я чувствовала знакомую тяжесть — не физическую, а ту, что копится в человеке, который помнит слишком многое и слишком долго.

Дверь каюты приоткрылась без стука — только Эрик позволял себе такую вольность после стольких лет совместной работы.

— Капитан, если это личное... — начал он осторожно, — мы можем найти другой способ помочь институту. Передать

координаты, отправить оборудование без вас лично.

— Это не личное, — соврала я, убирая монету обратно в шкатулку. — Это просто вода, Эрик. Вода везде одинаковая.

Он посмотрел на меня с тем особым выражением, которое появлялось у людей, проработавших со мной достаточно долго, чтобы понимать: иногда капитан Мор говорит неправду, и спорить с этим бессмысленно.

— «Сирена» готова выйти через два часа, если отдадите приказ, — сказал он вместо дальнейших расспросов.

Я кивнула, глядя в иллюминатор на серую воду Норвежского моря — честную, холодную, предсказуемую воду, которая никогда не притворялась ласковой, чтобы потом забрать всё, что ты любишь.

— Отдаю, — произнесла я тихо. — Курс на Таранто.

Слово прозвучало странно в моих собственных устах — слишком знакомое и слишком чужое одновременно, как имя, которое носишь, но давно перестал узнавать в зеркале.

Где-то там, под толщей тёплой южной воды, ждал корабль — не тот, затонувший полтора века назад, а новый, современный, с живыми людьми на борту, которые ещё могли быть спасены. И я, капитан Мория Мор, избегавшая южных морей сто сорок семь лет, впервые за это время разворачивала судно на юг, туда, где началась — и почти закончилась — моя бесконечно долгая жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.